

В.В.Шадурский

РЕЦЕПЦИЯ РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: СЛУЧАЙ МИХАИЛА КАРПОВИЧА И МАРКА АЛДАНОВА

Утверждается близость позиций историка Михаила Карповича и писателя Марка Алданова в отношении к идеям русской классической литературы XIX века. Принимается во внимание, что точки зрения Карповича и Алданова на русскую интеллектуальную историю обусловлены контекстом эмиграции и сходством мировоззрений. Изучены рецепции идей и тенденций, которые ими либо принимались, либо отрицались. Рассмотрена оценка некоторых политических идей и прогнозов П.Я.Чаадаева, А.С.Пушкина, А.И.Герцена, Ф.М.Достоевского, Л.Н.Толстого. Обозначены характеристики позиций Карповича и Алданова в рецепции идей русской классической литературы.

Ключевые слова: М.А.Алданов, М.М.Карпович, русская классическая литература

Совершенно очевидно, что русская классическая литература (здесь имеется в виду период русской литературы от А.С.Пушкина до Л.Н.Толстого) при всей ее сложности не обладает каким-то устоявшимся набором идей и традиций, ведь идеи и приемы стиля меняются даже в творчестве одного писателя, и эти перемены вызывают особый интерес как у историков, так и у теоретиков науки о литературе. Однако история идей, или интеллектуальная история, — это по большей части сфера злободневной социальности, политических обобщений и прогнозов, самая неблагоприятная для комментаторов направление деятельности. В публикациях алдановедов много внимания уделено литературным связям писателя, его интересу к истории, а такая тема, как идеи Алданова в контексте интеллектуальной истории России, осталась незатронутой.

Во многих исследованиях утверждается, что Алданов — автор историософских произведений; сложилась целая традиция называть его сторонником философии случая в истории и в тоже время — строгим ценителем исторической правды. Действительно, как не согласиться, что тема истории — одна из важнейших основ его романов, повестей, очерков, рассказов. Но все же не только история или не та история, которую обыватели привыкли воспринимать как хронику событий государственной важности. Алданову важна история идей — и тех, которые созидает философская мысль, мысль политическая, и тех, которые рождает художественное творчество. В одном из его последних сочинений — философском трактате «Ульмская ночь» (1953) можно обнаружить целые разделы интеллектуального содержания: «Диалог об аксиомах», «Диалог о случае в истории», «Диалог о русских идеях». История идей в разных формах — от древнегреческих трактатов до выступлений Черчилля — остро интересовала писателя. Она проникала в его публицистику, в образы персонажей тетралогии «Мыслитель», трилогии «Ключ» — «Бегство» — «Пещера», романов «Начало конца», «Истоки», «Самоубийство», «Повесть и смерти» и «Бред». Наверное, этим объясняется и словесная «эстетика» Алданова: частотность использования чужих афоризмов, создание афоризмов собственных. Но по-настоящему ощутить пространство интеллектуальной жизни, стремлений и притяжений автора возможно только тогда, когда удастся ознакомиться с контекстом, с трудами современников.

Отчасти эта лакуна восполнена благодаря недавним публикациям лекций друга Алданова, историка, профессора Гарвардского университета М.М.Карповича. Более того, из этих работ становится ясно, кто и как мог воздействовать на интерес Алданова к русской истории идей, по крайней мере — в 1930—1940-е годы. Карпович — исследователь очень осторожный и деликатный, понимающий цену слова или нового словесного оборота: «Всегда опасно использовать термины, возникающие в определенном историческом контексте и обретающие в нем свое точное значение, для обозначения неясной общей тенденции, прослеживаемой на протяжении веков» [1]. И потому так важно учесть его мнение, на наш взгляд, помогающее прояснить не столько бессистемные аспекты алдановской рецепции идей, образов русской литературной классики, сколько общую тенденцию восприятия идей и феноменов русских писателей века XIX в творчестве писателей века XX.

Позиции этих двух людей настолько схожи, что иногда по прочтении каких-то их отдельных высказываний возникает ощущение соавторства. Более того, издание, основанное в Нью-Йорке в 1942 году М.О.Цетлиным и тем же М.А.Алдановым, благодаря объединенным усилиям Алданова и Карповича зарекомендовало себя как авторитетный журнал. Карпович, став главным редактором «Нового журнала» в 1946 году, возглавлял это издание до самой смерти. Алданов же постоянно публиковался в этом журнале и в течение американского периода своей жизни тоже осуществлял редакторскую работу.

Отметим, что в 1943 году в эмиграции замышлялось издание антологии «Сто лет русской художественной прозы», для которой Алданов готовил обобщающее введение. Издание оказалось не осуществленным, но статья дошла до современного читателя. Рассуждая в ней о главных чертах русской классической литературы, Алданов не забывает писать о политике, ведь из-за свободолюбия и особой позиции он и оказался в эмиграции. Но его рассуждения основаны на результатах тонкого анализа, проведенного с помощью исторического подхода к отечественной литературе. Отмечая «из глубины времен идущую струю духовности» [2], а также учительский характер «почти всех русских писателей» [2, с. 170], Алданов обосновывает причины политического характера русской классики, ее фокусировки на общественных

проблемах и социальной справедливости: «<...> в тех странах, где чисто политическая, чисто социальная мысль не имеет выхода наружу, художественная литература (всегда несколько более свободная) приобретает огромное социально-политическое значение. Она становится отдушиной. Так было в России, где и почва была совершенно готова благодаря тому вековому заряду духовности, который был в душе у громадного большинства русских писателей» [2, с. 170].

К сожалению, обобщения идеологии русских писателей в этой статье Алданов не сделал. Но его мировоззрение в этот мрачайший для человечества период жизни выражалось в интеллектуальной литературе — исторической прозе, очерках современников, политическом рассказе. Писатель не мог остаться равнодушным к тоталитарным режимам, мировой войне и вообще чураться современной политики. Но важно понять, что еще кроме самих политических событий, кроме гигантского массива читаемой литературы могло влиять на позицию Алданова-читателя, Алданова-аналитика. Среди таких возможностей мы обнаруживаем воздействие авторитетной личности друга Алданова, человека, прошедшего путь от пропагандиста партии эсеров до руководителя факультета славянских языков и литератур в Гарвардском университете — того самого Карповича.

Карпович в это же время преподает в Гарварде курс русской интеллектуальной истории, фокусирующийся на четырех темах: Россия и Запад, образованная элита и массы, культура и политика, реформа и революция. По словам Нормана Перейры, «определение, которое дает Карпович интеллектуальной истории как пространству между философией и политикой, предполагает, что идеи оказывают влияние на политику в широком смысле этого слова» [3]. Именно потому нам кажется, что подход Карповича к историческим интерпретациям мог скорректировать алдановское отношение к истории. Перейра цитирует Карповича по лекциям, хранящимся в Бахметевском архиве Колумбийского университета: «<...> Исторические интерпретации должны опираться на конкретные факты, а не на теорию или некую модель <...> ни к чему искать более глубокие объяснения, которые могут привести к ошибке» [3, с. 10]. По такой логике и картезианство, и теория случая в истории должны спотыкаться о факты, и это притом, что сам Карпович в возникновении исторических событий тоже видит возможность случайности.

Большинство алдановедов, следуя за автором, убеждены, что Алданов господством случая объясняет все на свете, включая литературный процесс. Но верно ли это во всех ситуациях: в интеллектуальной деятельности и художественном творчестве? Обратим внимание, что, когда в конце 1940-х — начале 1950-х Алданов возвратится к большой романной форме и собственно художественному творчеству, Карпович посвятит ему несколько рецензий. В статье, характеризующей только что вышедший из печати роман «Истоки», американский профессор увидит, что алдановское мышление трагичнее мировидения Толстого, хотя и «культурнее» по восприятию жизни: «Исторический пессимизм Алданова глубже толстовского <...> он не может уйти от истории <...> в нем нет никакого бунта против культуры. Напротив. Человеческая культура и есть то, что он по-настоящему ценит и любит <...> чем яснее представляется ее хрупкость и, может быть, обреченность» [4]. В статье 1956 года Карповичем будет сказано, что у Алданова есть то, что одной теорией случая не покрывается, так даже схема его трилогии «построена на предположении некоторой взаимозависимости между различными событиями эпохи» [5]. Сожалею, что с этой репликой Карповича алдановеды не знакомы: «В алдановской концепции случай все-таки не «вертит миром» беспрепятственно и человек не являлся в его руках беспомощной жертвой или игрушкой. Думаю, что та сила, с которой Алданов утверждает роль случая в истории, может быть объяснена как психологическая реакция против абсолютного исторического детерминизма, к тому же еще оптимистически окрашенного <...> Против такого антропоморфизма, против наделения материи — в природе или в истории — человеческими атрибутами разума и воли, больше ста лет тому назад восставал еще Герцен. История сама по себе никаких целей не имеет и иметь не может. Только человеческий разум и человеческая воля могут вносить цели и смысл в стихийный исторический процесс» [5, с. 259]. Более того, алдановское отношение к истории сопоставляется с отношением другого кумира Марка Александровича — Герцена. И опять — в выигрышном для него свете: ведь Алданов для обоснования своей позиции пользуется такими аргументами, которых в арсенале Герцена не было. И самое главное, Карпович обращает внимание не на пресловутую одержимость Алданова теорией случая, а на его открытость и перспективу: «Существенно то, что Алданов говорит не только об огромной роли случая в истории, но и возможности борьбы со случаем» [5, с. 260].

Именно Карпович, используя исторический подход, учитывая классовую природу интеллигенции, обращает внимание на изменения в развитии русской интеллектуальной и художественной деятельности, на скрытые механизмы в русском культурном обществе XIX века: «Сильный гражданский дух, возникновение религии гражданского долга, стремление утвердить главенство политики над любой интеллектуальной и культурной деятельностью, по существу, отрицание автономии культуры» [6].

Очень много общего у Карповича и Алданова складывается в отношении к идеям П.Я.Чаадаева, к творчеству А.С.Пушкина, А.И.Герцена, Н.Г.Чернышевского, Ф.М.Достоевского, И.С.Тургенева, Л.Н.Толстого. Разные оценки русской классики современниками в лекциях Карповича объясняются тем, как одни идеологические предпочтения сменялись другими. Да и в противоречиях творчества отдельных писателей и значительных литературных критиков Карпович видит не метания, не отсутствие основы, а духовный рост, и лишь иногда — заблуждения и ошибки. После огромного количества монографий и диссертаций на тему эволюции писателей это кажется очевидным, но в 1930—1940-е годы в СССР не было возможности

представить объективно жизнь разнообразных идей, такая возможность предоставлялась только на Западе. А потому научное творчество Карповича, воспитавшего несколько поколений американских ученых, увлеченных российской историей и русской историей идей в частности, — особо показательно.

Понятно, что аналитик Алданов и без Карповича мог трезво оценивать разнообразные процессы как в истории, так и в литературе. Но именно позиция Карповича дает возможность показать, был ли Алданов оригинален, был ли убедителен в своих оценках русской истории и истории идей, которой жила отечественная классика.

Мы наблюдаем, что при восприятии идей и тенденций отечественной литературы, у Карповича и Алданова обнаруживается единодушие как в утверждении, так и в отрицании.

Кратко перефразируем Карповича. Им не принимается русский мессианизм, идеология, восходящая к Д.И.Фонвизину, развитая Ф.М.Достоевским и Н.А.Бердяевым, а также крайняя позиция в этом направлении — мировоззрение Достоевского, полагавшего, что православие является единственным истинным вероучением, — позиция, которая за рубежом не может не вызывать удивления и отторжения. Врожденное «превосходство» русской души, о котором писал Н.А.Бердяев в «Русской идее» и которое якобы определяет особое историческое развитие России, более похоже на романтический национализм. Вместе с тем большинство русских интеллигентов оставалось не подверженным мессианству, этому «романтическому национализму», а народ был вообще безразличен к подобным идеям. В аполитичности А.П.Чехова и анархизме Л.Н.Толстого проявлялось разнообразие и независимость мировоззрений русской интеллигенции.

Сходные мысли мы обнаруживаем в высказываниях алдановских резонеров, будь то Браун в трилогии или герои романов «Истоки», «Самоубийство», в статьях Алданова, где указанные аспекты подчеркиваются.

Среди утверждений, которые поддерживаются обоими авторами — достоинство старых авторитарных, монархических режимов, которые существовали в России до 1917 года.

Карпович вспоминает лучшее в прошлом. Авторитаризм царя был таков, что государь не пытался узурпировать личную жизнь, внутреннюю жизнь граждан. Историк напоминает высказывание Герцена о внутренней свободе, которая возможна была даже при Николае Первом, о той тайной свободе, о которой говорил еще Пушкин, когда государство удовлетворялось внешним подчинением, а граждане сами превращались в образцы культуры, просвещения, щедрости, великодушия — того, чего так не хватало Европе XVIII—XIX веков.

Одним из самых интересных наблюдений Карповича оказывается то, которое сделано по поводу чаадаевских «Философических писем» и «Апологии сумасшедшего»; характеризуя последнее, историк отмечает: «Чаадаев заявляет о своем патриотизме, но указывает, что патриотизм бывает разным. Он пишет: “Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с запертыми устами <...>. Прекрасная вещь — любовь к отечеству, но есть еще нечто более прекрасное — это любовь к истине... Не чрез родину, а чрез истину ведет путь на небо”» [7].

Алданова, которого называли едва ли не самым пессимистичным русским автором, не могла не интересовать позиция Чаадаева. Еще в 1918 году в очерке «Армагеддон», содержащем «случайные и беспорядочные отражения чужих слов в уме односторонне мыслящего человека» [8] дана характеристика идеям авторитетных русских литераторов и писателей. Среди прочих в обзор Алданова попали идеи сочинителя «Философических писем», П.Я.Чаадаев назван «единомышленником Ивана Грозного по вопросу о правлении русской землей» [8, с. 92], представлены его рефлексия русского патриотизма и диагноз будущности России. Алданов легко цитирует тексты Чаадаева, связывая их мысли воедино. В «Апологии сумасшедшего» он подмечает важную критическую мысль: «Мы еще очень далеки от сознательного патриотизма старых наций» [9]. А в «Философических письмах» (письмо первое) прогноз Чаадаева называет «самыми замечательными страницами этого трудного и рискованного жанра мысли»: «Мы принадлежим к числу тех наций, которые как бы не входят в состав человечества, а существуют лишь для того, чтобы дать миру какой-нибудь важный урок. Наставление, которое мы призваны преподать, конечно, не будет потеряно; но кто может сказать, когда мы обретем себя среди человечества и сколько бед суждено нам испытать, прежде чем исполнится наше предназначение?» [10]. Проницательность и глубину этого прогноза современники были не в состоянии оценить, но даже понимание чаадаевской мысли потомками ничего существенно не меняет в жизни.

Через этот интерес многое познается и в самом Алданове. Прекрасно зная о том, что пришлось вынести Чаадаеву после его знаменитого письма, зная о том, что этот «гордый красавец, прославленный умом и талантами» [11], вынужден был отказываться от восторженного отзыва о себе, напечатанного Герценом в «Былом и думах», Алданов находит высокие слова, которые оправдывают одинокого мыслителя во всех случаях жизни: «Большие люди не нуждаются ни в защите, ни в снисхождении. Они велики, независимо от «неверных звуков», — и слава Богу! Но если бы это было и не так, то где же сказать, как не над печальными страницами истории русской литературы: *saeculi ignominia non hominis?* Век был настолько ужасен, что и не такие вещи можно и должно простить <...>» [11, с. 123]. Великодушная позиция благодарного потомка. В Чаадаеве Алданов видит смелого мыслителя, человека, которому за одно только дерзновение быть свободным в мысли пришлось заплатить карьерой, репутацией, жизнью. И все же это не случай пессимистических последствий. Вот и Карпович отмечает, что пессимистические утверждения Чаадаева «сосредоточены с выражением твердой веры в будущее России <...> Это была попытка привлечь внимание к недостаткам России, чтобы сделать ее лучше, чем она была в то время» [7, с. 99].

Алданов цитирует фразы М.О.Гершензона из его книги о Чаадаеве. Карпович, делая обзор публикаций сборника «Вехи», подробно останавливается на характеристике Гершензона как одного из его авторов, «выделявшегося среди других», вспоминая его как автора книги о Чаадаеве, «которая сохраняет свое значение и сегодня» [12].

В другой лекции Карпович объясняет специфику западничества Чаадаева, подчеркивая его религиозный характер, — таким качеством мировоззрение Алданова не отличалось. Но что действительно было близко автору «Загадки Толстого» — это отношение Чаадаева к особой предначертанности судьбы России, и слова Карповича актуализировали эту позицию: «<...> миссия России — в усовершенствовании западноевропейской цивилизации, в решении проблем, которые не решила Западная Европа, в ответе на вопросы, на которые не может ответить Западная Европа <...>» [7, с. 100].

Алданов, при всем своем скепсисе, при всей своей осведомленности о соблазнах и грехах человеческих, — остается писателем и публицистом, видящим много светлого и достойного в истории России и даже в политическом подвиге декабристов — людей особой, свободной породы: «Русская политическая история первой половины XIX века может, конечно, с гордостью указать людей, которые представляются самим воплощением достоинства и независимости. Достаточно назвать Николая Бестужева, Лунина, Якушкина. Но в ту пору сохранить незапятнанность в литературе, вечно оценивающей жизнь, было еще труднее, чем в самой жизни; сам Белинский, при всей своей субъективной кристальной чистоте, впадал в грехи, или, по крайней мере, в тяжелые ошибки» [11, с. 123]. Взвешенная позиция Алданова, воспринимающего русскую классику с учетом жесточайшей борьбы и политического давления, помогает ему быть объективным в оценке не только мастеров художественного слова, но и в оценке критиков, публицистов — без акцентирования их классовой принадлежности и происхождения. Подобное отношение вряд ли мог продемонстрировать хоть кто-то из «штатных» литературных критиков русского зарубежья, не говоря уже о писателях, даже таких, как И.А.Бунин, Д.С.Мережковский, В.В.Набоков.

Алданов, как известно, задумывал написать книгу о Герцене. В авторе «Былого и дум» Карпович видит «одну главную основополагающую идею <...>: его прежде всего интересуют индивидуум и свобода индивидуума»; он признает «расположенность Герцена к политике определяющей и противостоящей, так сказать, философской направленности некоторых его современников» [13]. Отказ Герцена от метафизики любого рода и, соответственно, неприятие потусторонности приводит к утверждению, что в истории человечества и в истории вселенной «ни смысла ни цели нет» [13, с. 143], что в природе нет разума, но царит случайность. Казалось бы, так же, как и в случае с Чаадаевым, от такой позиции можно ожидать только пессимистического пафоса и в пессимизме Герцена — видеть основу скепсиса Алданова. Расширяя свой контекст, Карпович приводит не слишком-то оригинальное суждение В.В.Зеньковского, в «Истории русской философии» называющего мировоззрение Герцена трагической пессимистической философией, эстетическим гуманизмом, который скрывает внутреннюю трагедию. Но в том-то и дело, что никакого трагизма у Герцена нет, как его нет у главных героев Алданова, даже фатально обреченных на гибель, вот как ловко Карпович это поясняет: «Можно почти с полной уверенностью сказать, что для Герцена на первом месте было дело, а не слово <...>. Он говорит о человеке, стоящем на краю пропасти и смотрящем в ничто: нет участия, нет помощи от Бога, ни от вселенной, потому что Бога нет, а во вселенной нет смысла и цели. <...> Именно в деле, прежде всего в общественном деле, человек может реализовать себя в самой полной и высокой степени» [13, с. 144]. Потому Алданову так важны эпизоды, где выражается воля человека, гуманность, свобода выбора и свобода личности. Вот и в тетралогии «Мыслитель» он часто изображает пиры, балы, сцены проявления гуманности, щедрости и благосклонности.

Карпович полагает, что большевизм хотел контролировать не только поведение, но и ум, волю, сердце человека. Именно эту внутреннюю свободу, личное пространство, свободу личности защищает Алданов, изображая вымышленных героев на фоне исторических деятелей. Его герои часто являются свидетелями исторических свершений, но события парадоксальным образом не отражаются на их судьбах. Так, Юлий Штааль засыпает в то самое время, когда на его глазах убивают Робеспьера, неполнота видения словно исключает эту трагедию из судьбы персонажа. Даже находясь в круговороте стихии и предполагая печальный исход, алдановские персонажи борются за свой выбор до конца. В романе «Бред» шпион Шелль не верит в бога, но парадоксально верит в то, что угасающую от туберкулеза возлюбленную можно спасти, что у них будут дети, будет счастье. Он не покладая рук работает над «инвестициями» в это счастье.

Такое любование достоинствами дореволюционного прошлого вовсе не значит, что Карпович и Алданов были какими-то ретроградами, симпатизирующими монархии, но даже в дореволюционном устройстве жизни страны они видели возможности для устройства личного счастья, потом этих возможностей стало многократно меньше.

Еще одно важное утверждение — русские никогда не были имитаторами идей Запада и «безродными космополитами». По словам Карповича, то, что заимствовалось в России, всегда использовалось народом как средство борьбы с собственными проблемами. Интенсивная духовная жизнь в России западным идеям придавала особый драматизм, потому что в России всегда шли дальше западных собратьев в отрицании или в принятии идей. Острый показатель этой драматичности — фигура императора Павла Первого, от которого, вследствие гиперболности его драматизма, избавлялось русское общество. Этому посвящен роман Алданова «Заговор».

Алдановым принимается понимание судьбы России по чаадаевскому «сценарию». При наличии неутешительных прогнозов сохраняется вера в будущее России, в том числе и вера Алданова. Но как чаадаевская горечь в «Записках сумасшедшего» необходима, чтобы привлечь внимание к недостаткам страны, чтобы их исправить, так и печаль алдановских высказываний нужна, чтобы читатели обретали трезвое понимание законов жизни.

Еще один аспект притяжения у Карповича и Алданова — обязательная, но добровольная вовлеченность русского писателя в социальную, общественную, политическую жизнь. По сути — это желание превратить идеи в поступки, в конкретные дела.

Рассуждая о месте Пушкина в интеллектуальной жизни начала XIX века, Карпович выводит в изящной формуле свое наблюдение над декабристским этапом развития литературы: «Функция поэта — вносить гармонию в разорванный мир, в котором ему приходится жить и действовать. И выполняет он эту функцию по божественному вдохновению» [14]. Это же наблюдение он обосновывает не только философски, но и политически: «Пушкин сам называл поэта эхом, то есть подчеркивал существенную для поэта восприимчивость ко всему, включая исторические и политические события» [14; с. 88].

При невозможности свободно выражать свои политические взгляды соотечественники делали это через художественные произведения, литературную критику — потому так важны в политической истории и Белинский и Чернышевский. Но, по мнению Карповича, даже теория Чернышевского, ненавистного многими и многими не понимаемого, определенными своими послылками предвосхищает принципы Толстого, — писателя необыкновенно ценимого Алдановым. Карпович демонстрирует, как применяется утилитарный принцип высшего блага для наибольшего количества людей: «<...> для художественного воспроизведения могут служить лишь такие темы, которые привлекательны для самых широких групп людей, для всего человечества, а не для той или иной элиты» [15]. Это объясняет масштаб избираемых Толстым тем, а также концентрацию внимания Алданова на истории и политике, из-за чего многие критики отказывали ему в имени большого писателя, называя второразрядным беллетристом.

В оценке творчества Достоевского и Толстого Карпович смог преодолеть как резко отрицательное мнение Набокова (из-за пристрастия Достоевского к политическим темам называвшего его журналистом и отказывавшего ему в большом таланте), так и недоуменное раздражение Алданова (не принимавшего в Толстом моралиста и историософа).

Алданов еще в «Армагеддоне» отметил странные казусы политической идей и предсказаний Достоевского, у которого «Дневник писателя» «весь состоит из политических предсказаний, из которых не сбылось ни одно» [8, с. 97]. Тем не менее по своей провидческой силе Достоевский оказался «черным бриллиантом русской литературы»: «Этот человек, не имевший ни малейшего представления о политике, был в сове области, области “достоевщины”, подлинный русский пророк <...> Октябрьская революция без него непонятна <...>» [8, с. 97]. Идеи Достоевского в политике беспомощны, идеи в области знания человека — уникальны и проницательны.

Вот и Карпович, разделяя идеи Достоевского на два типа, словно предвосхищая полифоническую концепцию М.М.Бахтина, определяет собственно авторский тип — «религиозную антропологию», воплощенную в убедительных персонажах, и идеи политической философии, которые выпирают из романов и вложены в уста второстепенных персонажей. По сути он раскрывает секрет многоголосия романов Достоевского, секрет того, почему они при многочисленных возможностях стать тенденциозными таковыми не становятся.

Некая аналогия наблюдается нами и в романах Алданова, где герой трилогии «Ключ» — «Бегство» — «Пещера» химик Браун пишет собственную философию, а социальная теория Альвера (персонажа романа «Начало конца») — убийцы в духе Раскольникова — оказывается совершенно беспомощной и нелепой.

Сопоставим рассуждения Алданова и Карповича о Толстом. Алданов еще в работе 1923 года — «Загадка Толстого» — обосновывал принципиальную невозможность политической деятельности автора «Севастопольских рассказов»: «<...> в политике одного шага не сделаешь с любимыми идеями Толстого <...>. В политике не ищут всей правды-справедливости и не заботятся о всей правде-истине, довольствуясь частью той и другой, облагая эту часть высоким налогом крови. В политике много говорят о небе, но действуют так, как если бы оно не существовало» [11, с. 115]. Совесть, самокритичность, беспредельная свобода мысли и ее выражения сформировали Толстого, который превзошел все земные уровни политики: «И все-таки Толстой — колоссальное явление в истории русской политики. Вместе с Герценом он был первый свободный гений России; среди великих людей русской литературы, быть может, ему первому нечего замалчивать и нечего скрывать» [11, с. 121]. Свобода Толстого выражается в первую очередь в его способности свободно мыслить и свободно говорить в отечестве, не в психушке, не в эмиграции, а на родине: «Можно ли допустить, чтобы он писал власть имущим письма вроде тех, которые приходилось писать Чаадаеву, Достоевскому?» [11, с. 122]. Карпович, определяя этапы жизни Толстого (первый — аполитичная позиция, «блестящее исключение из правил», особенно в 1860-е — 1870-е годы; второй — почти 30-летняя оппозиция к российскому государству и «русской государственной церкви»), обнаруживает скрытые причины для каждого. В первом случае сыграла свою роль черта толстовского индивидуализма — «его ненависть к массовым интеллектуальным движениям» [16]. Во втором случае проявилось его учение, многое в котором — это «нападки на русское проявление универсального зла» [16, с. 203]. Конечно, мнение Карповича более рассудительное, да ведь он и есть историк, а не писатель.

Еще одна общая черта Карповича и Алданова — в признании жертвенного подвига «романтических» народовольцев. Так, в лекции, посвященной И.С.Тургеневу, среди множества анализируемых аспектов идеологии и творчества писателя, Карпович обращает внимание на качество, которое будет раскрываться в произведениях М.А. Осоргина и Алданова, характеризующих поведение, психологию и личности народовольцев-террористов: Тургенев «<...> восхищается энтузиазмом революционеров, готовностью пожертвовать своей жизнью, не говоря уже о комфорте, ради идеала» [17]. Алданов так же, как и Тургенев, не принимает терроризм, но рисует некоторых персонажей истории с большим сочувствием (Желябов, Перовская в романе «Истоки»). Более того, он сам — автор очерка «Убийство Урицкого» о романтическом «террористе» — Леониде Каннегисере.

История взаимоотношений культуры и политики в XX веке не могла быть предметом анализа в лекциях Карповича, поскольку анализ идей русской литературы завершился периодом русского модернизма — Серебряного века. В творчестве писателей русского зарубежья эта история сложилась по-разному. Так, Набоков преодолел социальный «соблазн» и смог избежать прямого изображения всех пережитых политических потрясений, в новой «башне из слоновой кости». Мережковский не смог выбраться из тенденциозности, заданности жанра историософского романа. Осоргин превратился в летописца прошлого и «разработчика» экологической темы социума. Алданов выбрал актуальную политическую историю, политику и при такой малой эпической дистанции очень сильно рисковал потерять объективность, но в итоге — выиграл в жизни, в живом отклике современников.

Однако у Карповича мы обнаруживаем те наблюдения и те принципы, с которыми Алданов не мог согласиться. Например, идеи Карповича, приобретающие возвышающую силу благодаря религиозному чувству, отразившемуся и на его концепции интеллектуальной истории России. У Алданова нет такого спасительного воодушевления, он не смог обрести ни веры, ни пушкинской жизнерадостности, его художественные произведения пронизывает печаль. Алдановские персонажи иногда обретают веру, иногда пишут исследования о духовных подвижниках (Наташа, героиня романа «Бред»), но сам автор вряд ли когда-нибудь мог поверить в надежную силу их религиозного чувства.

Подводя итоги статьи, заметим, что научные статьи и лекции Карповича по русской интеллектуальной истории помогают определить место творчества Алданова не только в контексте литературы русского зарубежья, но и в контексте рецепции идей русской классической литературы. Сопоставление позиции Карповича в отношении идей русских писателей и мировоззрения Алданова дает возможность увидеть актуальность и понять жизнеспособность политических, социальных и эстетических предпочтений русских писателей XX века. Вместе с тем Алданов предстает художником, аналитиком политической атмосферы и психологии времени. Карпович в большей мере выглядит эклектичным исследователем, который, выстраивая интеллектуальную историю России, использует классовый подход, сохраняет марксистскую трезвость и одновременно проявляет религиозную одухотворенность.

1. Карпович М.М. XVIII век // Карпович М.М. Лекции по интеллектуальной истории России (XVIII — начало XX века). М.: Русский путь, 2012. С. 61.
2. Алданов М.А. Введение в антологию «Сто лет русской художественной прозы» // Октябрь. 1996. № 12. С. 166.
3. Перейра Н.Г.О. Мысли и уроки Михаила Карповича // Карпович М.М. Лекции по интеллектуальной истории России (XVIII — начало XX века). М.: Русский путь, 2012. С. 9.
4. Карпович М.М. [Рец. на кн.: Алданов М. Истоки. Париж: YMCA-Press, 1950. Т. 1—2.] // Новый журнал. 1950. Кн. 24. С. 287.
5. Карпович М.М. М.А. Алданов и история // Новый журнал. 1956. Кн. 47. С. 258.
6. Карпович М.М. Культурные перемены конца XIX — начала XX века. Интеллигенция // Карпович М.М. Лекции по интеллектуальной истории России (XVIII — начало XX века). М.: Русский путь, 2012. С. 255.
7. Карпович М.М. Чаадаев и его контекст // Карпович М.М. Лекции по интеллектуальной истории России (XVIII — начало XX века). М.: Русский путь, 2012. С. 97.
8. Алданов М.А. Армагеддон // Алданов М.А. Армагеддон. Записные книжки. Воспоминания. Портреты современников. М.: НПК «Интелвак», 2006. С. 6.
9. Чаадаев П.Я. Апология сумасшедшего [Электр. ресурс] URL: <http://www.vehi.net/chaadaev/apologiya.html> (дата обращения: 15.12.2017).
10. Чаадаев П.Я. Философические письма [Электр. ресурс] URL: <http://e-libra.su/read/193855-filosoficheskie-pisma-sbornik.html> (дата обращения: 15.12.2017).
11. Алданов М.А. Загадка Толстого // Алданов М.А. Собр. соч. в 6 кн. М.: Новости, 1996. Кн. 6. С. 122.
12. Карпович М.М. «Вехи». Марксизм в России // Карпович М.М. Лекции по интеллектуальной истории России (XVIII — начало XX века). М.: Русский путь, 2012. С. 258.
13. Карпович М.М. Н.В.Гоголь. А.И.Герцен // Карпович М.М. Лекции по интеллектуальной истории России (XVIII — начало XX века). М.: Русский путь, 2012. С. 141.
14. Карпович М.М. Декабристы и Пушкин // Карпович М.М. Лекции по интеллектуальной истории России (XVIII — начало XX века). М.: Русский путь, 2012. С. 87.
15. Карпович М.М. Интеллектуалы 1850-х — 1860-х годов // Карпович М.М. Лекции по интеллектуальной истории России (XVIII — начало XX века). М.: Русский путь, 2012. С. 169.
16. Карпович М.М. Ф.М.Достоевский (продолжение). Л.Н.Толстой // Карпович М.М. Лекции по интеллектуальной истории России (XVIII — начало XX века). М.: Русский путь, 2012. С. 201.
17. Карпович М.М. Либерализм: И.С.Тургенев // Карпович М.М. Лекции по интеллектуальной истории России (XVIII — начало XX века). М.: Русский путь, 2012. С. 214.

References

1. Karpovich M.M. XVIII vek // Karpovich M.M. Lektsii po intellektual'noy istorii Rossii (XVIII — nachalo XX veka). M.: Russkiy put', 2012. S. 61.
2. Aldanov M.A. Vvedenie v antologiyu «Sto let russkoy khudozhestvennoy prozy» // Oktyabr'. 1996. № 12. S. 166.
3. Pereyra N.G.O. Mysli i uroki Mikhaila Karpovicha // Karpovich M.M. Lektsii po intellektual'noy istorii Rossii (XVIII — nachalo XX veka). M.: Russkiy put', 2012. S. 9.
4. Karpovich M.M. [Rets. na kn.: Aldanov M. Istoki. Parizh: YMCA-Press, 1950. T. 1—2.] // Novyy zhurnal. 1950. Kn. 24. S. 287.
5. Karpovich M.M. M.A. Aldanov i istoriya // Novyy zhurnal. 1956. Kn. 47. S. 258.
6. Karpovich M.M. Kul'turnye peremeny kontsa XIX — nachala XX veka. Intelligentsiya // Karpovich M.M. Lektsii po intellektual'noy istorii Rossii (XVIII — nachalo XX veka). M.: Russkiy put', 2012. S. 255.
7. Karpovich M.M. Chaadaev i ego kontekst // Karpovich M.M. Lektsii po intellektual'noy istorii Rossii (XVIII — nachalo XX veka). M.: Russkiy put', 2012. S. 97.
8. Aldanov M.A. Armageddon // Aldanov M.A. Armageddon. Zapisnye knizhki. Vospominaniya. Portrety sovremennikov. M.: NPK «Intelvak», 2006. S. 6.
9. Chaadaev P.Ya. Apologiya sumasshedshego [Elektr. resurs] URL: <http://www.vehi.net/chaadaev/apologiya.html> (data obrashcheniya: 15.12.2017).
10. Chaadaev P.Ya. Filosoficheskie pis'ma [Elektr. resurs] URL: <http://e-libra.su/read/193855-filosoficheskie-pisma-sbornik.html> (data obrashcheniya: 15.12.2017).
11. Aldanov M.A. Zagadka Tolstogo // Aldanov M.A. Sobr. soch. v 6 kn. M.: Novosti, 1996. Kn. 6. S. 122.
12. Karpovich M.M. «Vekhi». Marksizm v Rossii // Karpovich M.M. Lektsii po intellektual'noy istorii Rossii (XVIII — nachalo XX veka). M.: Russkiy put', 2012. S. 258.
13. Karpovich M.M. N.V.Gogol'. A.I.Gertsen // Karpovich M.M. Lektsii po intellektual'noy istorii Rossii (XVIII — nachalo XX veka). M.: Russkiy put', 2012. S. 141.
14. Karpovich M.M. Dekabristy i Pushkin // Karpovich M.M. Lektsii po intellektual'noy istorii Rossii (XVIII — nachalo XX veka). M.: Russkiy put', 2012. S. 87.
15. Karpovich M.M. Intellektualy 1850-kh — 1860-kh godov // Karpovich M.M. Lektsii po intellektual'noy istorii Rossii (XVIII — nachalo XX veka). M.: Russkiy put', 2012. S. 169.
16. Karpovich M.M. F.M.Dostoevskiy (prodolzhenie). L.N.Tolstoy // Karpovich M.M. Lektsii po intellektual'noy istorii Rossii (XVIII — nachalo XX veka). M.: Russkiy put', 2012. S. 201.
17. Karpovich M.M. Liberalizm: I.S.Turgenev // Karpovich M.M. Lektsii po intellektual'noy istorii Rossii (XVIII — nachalo XX veka). M.: Russkiy put', 2012. S. 214.15. Karpovich M.M. Intellektualy 1850-h — 1860-h godov // Karpovich M.M. Lekcii po intellektual'noi istorii Rossii (XVIII — nachalo XX veka). M.: Russkiy put', 2012. S. 169.
18. Karpovich M.M. F.M.Dostoevskiy (prodolzhenie). L.N.Tolstoy // Karpovich M.M. Lekcii po intellektual'noi istorii Rossii (XVIII — nachalo XX veka). M.: Russkiy put', 2012. S. 201.
19. Karpovich M.M. Liberalizm: I.S.Turgenev // Karpovich M.M. Lekcii po intellektual'noi istorii Rossii (XVIII — nachalo XX veka). M.: Russkiy put', 2012. S. 214.

Shadurskiy V.V. Reception of Russian classical literature: case of Mark Aldanov and Michail Karpovich. The article approves the proximity of positions of the historian Michail Karpovich and the writer Mark Aldanov in the attitude towards ideas of the Russian classical literature of the XIX century. Opinion of Karpovich and Aldanov on the Russian intellectual history are caused by a context of emigration and similarity of the points of view. Receptions of ideas and tendencies which either were accepted by them or were denied are studied. The assessment of some political ideas and forecasts P.Y.Chaadayev, A.S.Pushkin, A.I.Herzen, F.M.Dostoyevsky, L.N.Tolstoy is considered. It is revealed features of positions of Karpovich and Aldanov on a subject of the Russian classical literature.

Keywords: M.A.Aldanov, M.M.Karpovich, Russian classical literature.

Сведения об авторе. В.В.Шадурский — кандидат филологических наук, доцент; НовГУ им. Ярослава Мудрого, отделение филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, кафедра русской и зарубежной литературы; shadvlad@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 01.12.2017.